

УДК 94 (47)

Влияние «аграрного перенаселения» на историю России XX столетия

Л.Ю. Анисимова^а, М.Д. Северьянов^б

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 82, Красноярск, Россия

^аseveryanova@mail.ru, ^бkafedraistoriirossii@yandex.ru

Статья поступила 6.06.2017, принята 18.07.2017

В статье рассматриваются проблемы соотношения производства продовольствия и численности населения в России во 2-й половине XIX — XX вв., а также влияния «аграрного перенаселения» (сельской безработицы) на историю России XX столетия. Проанализирована досоветская, советская и постсоветская историография вопроса. Сделан вывод о том, что данная проблема не потеряла свою научно-практическую значимость для современной Российской Федерации. В частности, представляет интерес опыт снижения «аграрного перенаселения» в дореволюционный, революционный и советский периоды истории страны путем рационального размещения населения по территории страны и передела земель.

Ключевые слова: теория Т. Мальтуса; неомальтузианство; аграрное перенаселение; передел земли; переселение; «избыточность» населения.

The influence of «agrarian overpopulation» on the history of Russia in the twentieth century

L.Yu. Anisimova^а, M.D. Severyanov^б

Siberian Federal University; 82, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

^аseveryanova@mail.ru, ^бkafedraistoriirossii@yandex.ru

Received 6.06.2017, accepted 18.07.2017

The article considers the problem of a ratio of food – population balance in Russia in the second half of the XIX-XX centuries and discusses the influence of “an agrarian overpopulation” (rural unemployment) on the history of Russia in the 20th century. The pre-Soviet, Soviet and Post-Soviet historiography of the issue is analysed. The conclusion is drawn that this problem hasn’t lost the scientific and practical importance for the modern Russian Federation. Of particular interest is the experience of reducing the “agrarian overpopulation” in the pre-revolutionary, revolutionary and Soviet periods of the country’s history by rationally locating the population throughout the country and redistributing land.

Key words: T. Malthus's theory; neo-Malthusianism; agrarian overpopulation; redistribution of land; re-settlement; «redundancy» of the population.

Начиная с XVIII в. ученые разных стран решают проблему соотношения производства продовольствия и роста населения. Как правило, дискуссии ведутся вокруг теории Томаса-Роберта Мальтуса, изложенной в его книге «Опыт о законе народонаселения»

(1798 г.). «Если размножение населения не встречает никакого препятствия, то оно удваивается каждые 25 лет и возрастает в геометрической прогрессии» [1]. Однако, средства существования, при самых благоприятных условиях для труда, не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии». Итак, Мальтус устанавливает: рост населения – 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256..., рост производства продовольствия – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9... Размышляя над этим рядом чисел, он сделал вывод о том, что всего лишь через два столетия народонаселение будет относиться к средствам существования как 256 относится к 9, т.е. только 3,5% населения, живущего в конце XX столетия, будет обеспечено продуктами питания. В природе, писал Мальтус, излишние особи уничтожаются в борьбе за существование. Поэтому Мальтус оправдывал болезни, голод, войны, заявляя, что они оказывают благотворное влияние на человечество, так как если бы их не было, то неизбежно на планете наступило бы перенаселение [1].

Мальтус и неомальтузианцы утверждают, что рост населения является именно той главной силой, которая определяет характер общественного строя, его экономические отношения и политические институты.

В России проблему аграрного перенаселения начали широко обсуждать с середины XIX в. А.В. Чаянов, Ю.Г. Жуковский, П.В. Струве, С. Булгаков, П. Маслов, Г.Ф. Нефедов, Л.И. Лубны-Герцик и другие исследователи объясняли перенаселение в России результатом стихийного размножения, из-за которого в европейской части страны возникло малоземелье. В то же время в других районах страны были места невозделанные и необустроенные.

Полемика вокруг аграрного вопроса вообще и избыточной рабочей силы в деревне, в частности, продолжилась с конца XIX в. до начала 30-х гг. XX в. [2].

В начале 1930-х гг. в историографии проблемы стала утверждаться марксистско-ленинская концепция объяснения причин аграрного перенаселения и путей его преодоления. Вслед за С.Г. Струмилиным и А.

Либкиндом, экономисты и историки подвергли критике теорию Мальтуса и его последователей в России. Возникновение аграрного перенаселения в России они объясняли не малоземельем, а социально-классовой и имущественной дифференциацией крестьянства. По их мнению, аграрное перенаселение в СССР было ликвидировано в период индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. В частности, в ноябре 1947 г. академик С.Г. Струмилин в газете «*Redgio democratica*» утверждал, что за годы 1-ой пятилетки (1927-1928 гг. – 1932-1933 гг.) количество рабочих и служащих выросло на 11 млн., что позволило сразу же «рассосать» не только все видимые, но и скрытые в аграрном перенаселении резервы потенциальной безработицы [3]. Данной концепции придерживались Е.П. Иванов, Р.Я. Акопов, К.И. Суворов и др. Так, Р.Я. Акопов, например, утверждал, что к 1931 г. в стране безработица не только исчезла, но стал ощущаться недостаток рабочей силы [4]. Это не соответствует действительности. Но прежде, чем мы покажем ошибочность подобных суждений, сделаем еще одно небольшое отступление. В пореформенной России один из методов снижения аграрного перенаселения в европейской части страны было переселение избыточного населения на окраины империи, в том числе в Сибирь и на Дальний Восток. Сложилась историческая школа во главе с В.О. Ключевским, М.К. Любавским, В.П. Воцининым, А.И. Дзейтс-Литовским и др., которые отводили природно-географическому фактору (ландшафтным зонам, рекам, климату) значение движущей силы освоения новых территорий. Взгляд на историю с точки зрения окружающей среды исповедовал В.В. Вернадский. Рассмотрев философские усложнения понятия «пространство – время», он пришел к выводу о том, что развитие есть постепенное усиление неравенства (город не равен деревне; один регион не равен другому...). Исходя из концепции В.И. Вернадского, Д. Орешкин в 1954 г. предложил свою классификацию способа взаимодействия человека и окружающей среды: оседлый и кочевой.

Оседлый подразумевает медленное освоение и расширение клочка территории из поколения в поколение путем более плотной организации «пространства – времени», т.е. путем организации городской среды. При кочевом сосуществовании общества и природы человек не вмешивается в глубинные процессы биосферы, оставляя все, как есть. «По понятным причинам, – пишет Д. Орешкин, – ни сёл, ни тем более городов кочевая культура не создает и в них не нуждается. Производства нет, экономики нет, соответственно ни мастерских, ни места для обмена товарами не нужно. О библиотеках, инфраструктуре и прочих излишествах нечего и говорить» [5].

С точки зрения географии, тысячелетняя оседлая культура России во 2-ой половине XIX в. приблизилась к кризисной точке. Д.Штурман считает, что основой аграрного кризиса в России 60-х гг. XIX – начала XX вв. было не столько неправильное распределение земли, сколько избыточность сельского населения, доставшаяся России в наследство от крепостного права [6]. К сожалению, Д.Штурман не уточнил, во-первых, что до 1861 г. крепостное право было не на всей территории России, а во-вторых, география аграрного перенаселения в России затрагивала лишь часть ее европейской территории. Так, в 1928 г. плотность населения на территории правобережной Украины составляла 91,8 чел., левобережной Украины – 76, Белоруссии – 59, РСФСР (перенаселенная часть) – 63,6, а на территории Дальневосточного края – всего лишь 0,7 чел., Сибири – 2,0, Урала – 3,9, Карелии – 1,2, Казахстана – 2,3. То есть в России наряду с перенаселенными территориями имелись и районы нового освоения. Как видим, основная масса населения концентрировалась в центрально-европейских губерниях России. В этих же губерниях в пореформенный период наряду с земледелием получили широкое развитие крестьянские промыслы, ремесла и мануфактурное производство. Скопление дешевой рабочей силы, наличие большого количества потребителей промышленных товаров побуждали русских и иностранных

предпринимателей строить промышленные предприятия в расчете на привозное сырье. Так, в Центрально-промышленном районе, Петербурге и нескольких южных губерниях в 1912 г. концентрировалось 69% всех рабочих и производилось 66,2% валовой промышленной продукции, в то время как на долю Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока приходилось всего 8,2% промышленной продукции. При этом территориально неравномерное размещение промышленности дополнялось ее большой удаленностью от сырьевых баз. Например, 64,4% машиностроительной продукции выпускалось в районах, в которых выплавлялось всего 4,2% чугуна и 8,6% стали; почти вся текстильная промышленность концентрировалась в центре, тогда как хлопок завозился из Средней Азии [7].

После Октября 1917 г. большевистская власть встала на путь изменения географии размещения производительных сил страны. Уже 12 апреля 1918 г. Совнарком (СНК) РСФСР под председательством В.И.Ленина принял решение о новом рациональном размещении промышленности, что нашло свое отражение в известном плане ГОЭЛРО [8].

При этом в начале XX в. многие регионы страны оставались *terra incognita*. Так, например, Сибирский настольный календарь 1925 г. сообщал о том, что в Сибири все еще издают географические карты, на которых от 2/3 до 3/4 территории имели надписи «неисследованное пространство».

Промышленное и сельскохозяйственное освоение редконаселенных территорий не могло произойти за счет местных трудовых ресурсов. Главным образом оно осуществлялось за счет частичного административного и добровольного перемещения населения из густонаселенных районов европейской части СССР. Основные принципы переселенческой политики в СССР были разработаны В.И.Лениным. Учитывая всю сумму вопросов, связанных с перемещением и освоением новых земель, можно назвать 69 книг, брошюр, статей, подготовительных материалов к ним и других документов, вошедших в полное собрание сочинений В.И.Ленина и

ленинские сборники [9]. Еще в дооктябрьский период В.И. Ленин, говоря о переселении, указывал, что при правильной, целесообразной организации оно могло бы сыграть важную роль в хозяйственном развитии как России в целом, так и ее окраин. Став во главе СНК РСФСР, он 31 октября 1922 г., выступая на IV сессии ВЦИК, подчеркнул: «Вопрос о земле, вопрос об устройстве быта громадного населения – крестьянского населения – для нас вопрос коренной» [10].

А.В. Чайнов считал столыпинскую аграрную реформу в смысле разрушения общины преждевременной и ошибочной. Современный исследователь А.Орешкин в своей глубоко одиозной статье «Географический опыт охамевания России» с любовью отзывается о столыпинских преобразованиях [5, с.19-23], в частности о его переселенческой политике, которая не успела реализоваться, и с ненавистью – об опыте перемещения населения страны за годы Советской власти. Антисоветизм застил глаза автору и он встал на путь прямой фальсификации истории России, делая вывод о неизбежном процессе пространственной дифференциации, который, якобы, начался в недрах советского строя, а не в период царизма.

По замечанию известного историка русской культуры П.Н. Милюкова, стихийное движение из европейской части России и расселение на пустующих территориях было исконной национальной чертой русского человека [11]. Исследователь Приенисейского края В.П. Косованов установил четыре главные формы заселения края, как впрочем, и всей Сибири: это вольнонародное переселение, колонизация по частной инициативе, правительственная принудительная и правительственная добровольная [12]. На основе данной классификации методов освоения Сибири, архитектор А.В. Слабуха в контексте развития общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране и Сибири показал основные этапы заселения Приенисейского региона в XVII – XX вв. Из его анализа можно сделать лишь один вывод:

на протяжении столетий методы освоения пустующих территорий были одинаковыми, изменялись лишь значимость и приоритетность каждого из них в разные периоды истории. И в этом смысле советский период (1917 – 1991 гг.) не был исключением. Обвиняя советский строй в «процессе пространственной дифференциации», Д. Орешкин цинично пишет о новоселах-первопроходцах, воздвигших сотни новых городов и сел, построивших тысячи новых предприятий, освоивших миллионы гектаров целинных земель и не позволивших гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) реализовать преступный план «Ост», по которому десятки миллионов жителей «оседлых» европейских регионов России должны были в первые же годы немецкой оккупации умереть голодной смертью, а Москва и Петербург стерты с лица земли.

Ныне социокультурная дифференциация территорий зависит от того, что: «оседлые» территории и их население потребляют значительно больше национального богатства, чем производят «кочевые» окраины страны, которые зачастую находятся на положении бесправных колоний. Вот лишь некоторые данные, характеризующие социально-экономические отношения центра и окраин накануне распада Союза ССР, которые приведены в периодической печати — газетах «Красноярский комсомолец» (25 ноября 1989г.) и «Красноярский рабочий» (14 октября 1989 г.). Ранее они тщательно скрывались от общественности. В Сибири, где проживало 10% населения Союза ССР, производилось 25% продукции добывающей промышленности и более 50 % гидроэнергетических ресурсов, производительность труда была на 20% выше, чем по стране. В Красноярском крае, обеспечивавшем 40% добычи угля и 20% гидроэнергетических ресурсов, производительность труда была в 1,5 раза выше средней по стране и на 20% выше, чем в Прибалтике. Выработка продукции (с учетом цен мирового рынка) на одного красноярца примерно в 3–4 раза превышала среднюю по стране, и была в 2,5–

3 раза выше, чем на одного жителя Латвии. При этом красноярцы жили в 3–4 раза хуже, чем работали.

Политика неэквивалентного обмена с другими регионами страны приобрела черты своеобразного экономического геноцида по отношению к сибирякам. Так, красноярцам за тонну угля платили в 5–6 раз меньше, чем он стоил на мировом рынке. Подобное происходило и в лесной отрасли, и других областях народного хозяйства. Вывоз продукции из Красноярского края превышал ввоз более чем в два раза, причем половина средств, поступающих в край, приходилась на капитальные вложения в производственную сферу. Сибирь в социокультурном отношении была своего рода заводом и спальным комплексом к нему. Социокультурная сфера финансировалась по так называемому остаточному принципу. В результате в Красноярском крае нормы обеспеченности населения школами, больницами и клубами были ниже соответственно в 10,7 и 13 раз, чем по стране в целом. Наличие вопиющих диспропорций между производственным и социокультурным потенциалом объясняется не экономическими, а политическими факторами. Чем, например, как не этим объяснить тот факт, что Сибирь оставалась энергодефицитным регионом в то время, когда активно обсуждалась идея о переброске северных рек в Среднюю Азию?

Ликвидация дореволюционного и советского аграрного перенаселения велась планомерно. Огромнейший блок социально-экономической, исторической, демографической и географической литературы о рациональном размещении производительных сил и использовании рабочей силы, создание в СССР научных центров и министерств по изучению и рациональному использованию трудовых ресурсов свидетельствуют лишь об одном: с учетом дореволюционного опыта и его использования в 20-е гг. XX в., в СССР с начала 1930-х гг. перешли на принципиально иной метод ликвидации аграрного перенаселения – организованный набор рабочих и колхозников. Игнорировать положительное или отрицательное в этом

опыте было бы, по крайней мере, не рационально.

Неравномерная социокультурная и экономическая география России определила ее историю во 2-ой половине XIX в. и на протяжении всего XX столетия. С этой же проблемой страна вошла в XXI век. Уже третье столетие население страны находится в постоянном движении, изменяя лишь его формы, но не суть, мальтузианскую в основе. И все потому, что в XX столетии, если оставить без внимания военно-стратегические и экономические цели, уплотнения малочисленных территорий, во многих районах европейской России не было земли для наделения ею всего крестьянского населения в разумных производственных или потребительских нормах путем изъятия и передела частновладельческих угодий. Кстати, эти нормы не разработаны по сей день [13].

Еще до революции лидер социал-революционеров эсер В.М.Чернов писал (1907 г.), что если даже разделить между крестьянами все частновладельческие земли России, то на одни рабочие руки приходилось бы чуть более 3-х десятин. Следовательно, передел не решил бы проблемы крестьянской занятости, не обеспечил бы прокорма крестьянского населения, а лишь привел бы к уничтожению всего товарного хозяйства [14]. По переписи 1916 г. помещичья посевная площадь составляла лишь 10% общей посевной площади; при этом в руках помещиков находилось лишь 6% общего числа земельной площади и рогатого скота и немногим более 5% овец и свиней. При этом крестьяне и сельскохозяйственные рабочие составляли около 80% из почти 170 млн. населения. К 1917 г. в европейской части России 28,7% крестьянских хозяйств были безлошадными, а 47,6 % имели по одной лошади, т. е. 76,3 % хозяйств были, что называется, потребительскими или почти потребительскими, сводили концы с концами, но не более того [15].

На рубеже XX и XXI столетий стало модным пропагандировать теорию «модернизации» пореформенной России американского историка С. Блюма.

Действительно, до 1914 г., исключая 1899-1903 гг., когда Россия, как и многие другие промышленные страны мира, прошла через полосу экономического кризиса, темпы роста промышленного производства в стране были очень высокими. Тем не менее, по данным С.Н. Прокоповича, около 60 % сельского населения не находило приложения своим силам. При этом сельское население в стране преобладало: население России увеличилось с 71 млн. чел. в 1856 г. до 128 млн. к 1897 г. и 182 млн. к 1917 г. (в 1920 г. – 130 млн. чел. Сокращение объясняется тем, что по Брест-Литовскому договору 1918 г. и другим договорам от РСФСР отошли территории Финляндии, Польши, Западной Украины и др. – *Прим. авт.*), в том числе городское – с 6 млн. чел. в 1856 г. до 20 млн. в 1897 г. и примерно до 30 млн. в 1920г.

Промышленный переворот в России вел к пролетаризации населения, а аграрная ре-

форма, особенно П.А. Столыпина, к раскрестьяниванию сельского населения. В Сибири, например, в 1920 г. из 8 млн. крестьян почти 500 тыс. были безземельными.

К 1 января 1927 г. в СССР в трудовое пользование крестьян перешло 52 386 тыс. га бывших помещичьих, частновладельческих, церковных и монастырских, казенных и других земель. Кроме того, в результате внутриобщинных переделов безземельным и малоземельным дворам было передано еще около 50 тыс. га земли и лугов. Однако с 1905 по 1927 гг. прирост земли составил всего 4,5%, а сельское население за эти же годы увеличилось на 30% или на 29104 тыс. чел. [16].

В результате в середине 20-х гг. XX в. проблема аграрного перенаселения вновь обострилась. В те годы не было единой точки зрения о масштабах избыточного населения на селе. Об этом свидетельствуют данные таблицы [17].

Результаты исследования аграрного перенаселения в СССР

Кто проводил исследование	Год проведения	Районы, в которых выявлялась численность избыточного сельского населения	Выявлено, млн.чел.
Владимирский губплан	1923	Владимирская губерния	0,24
Л.Лубны-Герцук	1923	Четыре района европейской части СССР	7,9 – 10,5
И.Меркулов	1924	Центрально-черноземные области РСФСР	2,0 – 3,5
Н.Огановский	1924	По СССР	19,9
С.Струмилин	1925	По СССР	6,6
Л. Минц	1925	По СССР	9,1
Ю. Ларин ³¹	1925	По СССР	26,5
Госплан УССР	1923	Украина	3,6
Госплан УССР	1925	Украина	6,7 – 7,4

Источник: Северьянов М.Д. Капитализм в Советской России. Красноярск. 2001. С. 212.

Были и другие цифры, касающиеся «избыточного» сельского населения. На основании заявок на переселение от губерний Н.В. Турчанинов исчислял аграрное перенаселение по СССР в 13,5 млн. чел., в том числе по РСФСР – 6,8 млн., БССР – 1,4 млн. и УССР – 5376 тыс. чел. И.И. Ямзин на основании специальных исследований и заявок с мест

на переселение определял аграрную перенаселенность в СССР в 21 млн. чел.

Ю. Ларин в книге «Сельскохозяйственный пролетариат СССР» утверждал, что в 1924 г. в стране аграрное перенаселение достигало не менее 20 млн. чел., а к 1927 г. увеличение составляло еще около 15 млн. чел. [18].

Вышеприведенные цифры не учитывают количество безработных в городах. Их, по официальным данным, в среднем за хозяйственный год было: в 1925 – 1926 гг. – 1015,6 тыс.; в 1926 – 1927 гг. – 1242,8 тыс.; в 1927 – 1928 гг. – 1400,5 тыс., на 1 мая 1929 г. – 1700 тыс. чел. С 1922/23 хозяйственного года по 1 мая 1929 г. количество промышленных рабочих увеличилось, примерно, в 1,5 раза, а безработных – более чем утроилось. Безработица в городах была социальным бедствием. Ее источниками по-прежнему оставались естественный прирост городского населения, аграрное перенаселение (т.е. скрытая безработица в деревне), индустриализация, проводимая за счет разрушения индивидуального крестьянского хозяйства и вовлечения женщин в производство.

При этом среди безработных периодически проводились чистки. Так, на основании декрета ЦИК и СНК СССР от 13 июля 1929 г. были исключены из списка безработных не менее чем на год: а) лишенные избирательных прав и члены их семей; б) исключенные из членов профсоюза; в) не состоящие в каком-либо профсоюзе; г) имеющие какой-либо доход; д) провинившиеся в нарушении внутреннего распорядка биржи труда. Т. е. в городах количество безработных было больше, чем называла официальная статистика.

Те же тенденции были и в области социального страхования и медицинской помощи: ограничение круга пользователей пособиями; сокращение суммы пособий; сокращение медицинской помощи. Так называемые дополнительные пособия были снижены наполовину. Число получавших пособия сократилось с 79 тыс. в 1925 г. до 66 тыс. в 1928 г. Сумма пособия составляла от 29 до 34 р. в месяц в 1926 г. и от 23 до 27 р. в 1928 г., средний заработок промышленного рабочего в 1928 г. равнялся 80 червонным рублям, женщины-работницы – 55 рублям. Последних в промышленности на 1 января 1928 г. было 725900 чел. [19], а червонный рубль был значительно дешевле довоенного.

Настоящим социальным бедствием оставалась детская беспризорность, которая в начале 20-х гг. XX в. исчислялась 7–9 млн.

чел. (более поздние данные не публиковались и не включались в Всесоюзную перепись населения 1926 г.). В годы сплошной коллективизации часть из беспризорников умерли от голода, либо были расстреляны, либо отбывали наказание в ГУЛАГе.

Несмотря на цифровые разночтения о масштабах «избыточного» населения, ясно одно: к середине 20-х гг. XX в. проблема аграрного перенаселения в России не была решена. Численность «избыточного» населения составляла один-два десятка миллионов сельских жителей, и это при том, что за период с 1885 по 1920 гг. из европейской России переселилось только в Сибирь (в старых границах, включая Киргизский край и Дальневосточную область) 5931 тыс. чел. Кроме того, в период Первой мировой и гражданской войны, голодомора начала 20-х гг. XX в. в России погибло еще от 10 до 20 млн. чел. Примерно 2 млн. россиян эмигрировали за рубеж.

Не вдаваясь в дальнейший анализ масштабов аграрного перенаселения в СССР в 20-е гг. XX в., отметим лишь то, что оно не было ликвидировано и в последующие десятилетия. Так, например, по наметкам первого пятилетнего плана предполагалось увеличить занятость в деревне на 7,8 – 9,5 млн. взрослых работников, что должно было покрыть не только весь естественный прирост рабочей силы, но и снизить остроту аграрного перенаселения. Составители пятилетнего плана предполагали, что деревенская безработица будет существовать долгое время [19].

И действительно, индустриализация сопровождалась массовым раскрестьяниванием сельского населения. Коллективизация 1929–1933 гг. значительно сократила производительные силы в деревне. За эти годы в СССР количество лошадей сократилось до 48,8%, крупного рогатого скота – до 56,7%, овец и коз – до 34,4%, свиней – до 58,4% [20]. Одновременно механизация сельскохозяйственного производства вела к дополнительному высвобождению рабочей силы и, следовательно, к увеличению резервной армии труда на селе. Например, в 1922–1925 гг.

в единоличных крестьянских хозяйствах на один га посева затрачивалось 20,8 чел.д., на один центнер зерна – 3,2 чел.д., в 1937 г. 10,5 и 1,0 чел.д. Применение тракторов за один только 1937 г. дало экономию труда 12,6 млн. работников. Производительность труда в зерновом хозяйстве составила к уровню производительности труда в единоличном крестьянском хозяйстве 315% . В 1937 г. на работы, произведенные тракторами и комбайнами в колхозах, был затрачен труд 1,9 млн. работников. Без помощи машинно-тракторных станций на те же самые работы пришлось бы затратить труд 9,1 млн. колхозников, то есть на 7,2 млн. человек больше. В связи с механизацией в 1937 г. затраты труда на 1 ц зерна сократились в 1,7 раза, по подсолнуху – в 2,4 раза, по льну – в 1,4 раза, по картофелю – в 1,7 раза [21]. Добавим, что с 1930 г. эффективно проводилась работа по вовлечению женщин в колхозное производство, что также вело к увеличению армии безработных в деревне.

Коллективизация сельского населения сопровождалась выселением так называемых кулаков на Урал, Северный Кавказ, Дальний Восток, в Сибирь, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Якутию, Ленинградскую область и Нижегородский край. В 1932 – 1933 гг. во многих районах СССР был массовый голод. У историков из-за фальсификации статистики нет единого мнения о количестве населения, погибшего в те годы. Называют цифры от 5 до 15 млн. чел. Но, несмотря на огромные безвозвратные потери, несмотря на то, что миллионы земледельцев выбрасывались в индустрию [22], несмотря на голодную смерть и переселения, людская лава, извергаемая деревней, не была поглощена. Годовые отчеты показывают, что в 1936 г. в общественном и личном хозяйствах не использовалось 9590 тыс. трудоспособных граждан. В связи с этим в литературе 2-ой половины 30-х гг. XX в. выдвигались предложения, аналогичные движению луддистов в Англии конца XVIII – начала XIX вв., использовать свободную рабочую силу путем отказа, как от механизации сельскохозяйственных работ, так и от борьбы за повышение

производительности труда, игнорировать индивидуальные хозяйства колхозников, использовать трудовые ресурсы исключительно внутри колхозов [23].

Проблему движения избыточной рабочей силы в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) во 2-ой половине XX столетия мы не будем специально анализировать. Тема эта отдельная и большая. Однако даже беглый анализ всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. свидетельствует о перемещениях населения, а накануне и в годы Великой Отечественной войны целых народностей и этносов из центральных районов Союза ССР на восток, в Среднюю Азию и другие регионы страны. На волне государственной политики рационального размещения трудовых ресурсов возникла теория в корне противоположная теории «аграрного перенаселения» – решалась задача дать рабочее место каждому жителю Союза ССР. С учетом этого строилась социальная и демографическая политика. Тем не менее, многими исследователями отмечалось, что в Средней Азии и на Северном Кавказе в 1990 г. было от 6 до 32 млн. избыточных рабочих мест, а внедрение научного прогресса в производство приводило к их образованию и в других регионах Союза ССР. В 90-е гг. XX в. с переводом народного хозяйства на рыночные отношения, распадом Союза ССР, гражданской войной в ряде регионов проблема «избыточности» населения обострилась на всей территории бывшего Союза ССР. Повторим – тема эта для отдельного самостоятельного анализа. В данной статье мы ограничились хронологическими рамками до 1941 г.

Наш анализ показывает, что миллионы жителей России в XX столетии исторически были обречены на голод и смерть. Исследователи по-разному оценивают насильственную гибель людей, и ответственность за это Советской власти и коммунистической партии, упуская при этом социологические данности страны в форме «аграрного перенаселения». Еще в 1938 г. А.Ф. Керенский верно подметил: «Сказать, что Сталин борется за свое тотальное самовластие просто

ради самого самовластия, убивает ежовскими руками десятки тысяч ежегодно просто ради убийства, ради распространения вокруг себя пустого пространства, сказать все это - значит перевести сталинскую диктатуру из ряда политических и социальных явлений в область одного из интереснейших психических заболеваний, которым должны заинтересоваться потомки... В истории бывали случаи личного сумасшествия тиранов, но случая, когда такой сумасшедший тиран мог подобрать себе и огромной стране с точностью часового механизма действующий аппарат сумасшедших администраторов – такого случая история не знает и он совершенно невозможен»[24].

Таким образом, хотя проблема аграрного перенаселения в России и имеет свою историографию, однако по-прежнему не потеряла свою актуальность. В ней осталось много «белых пятен», она по-прежнему имеет научно-практическую значимость.

Литература

1. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. СПб, 1868. Т. 1. С. 99, 102.
2. Иванов Е.П. Отечественная историография аграрного перенаселения // Вопросы истории, 1971. № 12. С. 31-42.
3. Струмилин С.Г. Избранные произведения. Т. 4. М., 1964. С. 363.
4. Акопов Р.Я. Ликвидация аграрного перенаселения в СССР (1917 – 1932 гг.) // Вопросы истории, 1969. № 3. С. 40.
5. Орешкин Д. Географический опыт охамевания России // Родина, 1994. № 19. С. 20-23.
6. Штурман Д. О вождях российского коммунизма. Кн. II. Париж–Москва, 1993. С. 72.
7. Экономическая география СССР. Часть I. М., 1940. С. 93.
8. План электрификации РСФСР. М., 1929. С. 70.
9. Куликов В.И. В.И. Ленин об освоении целинных земель // Вопросы истории КПСС. 1974. № 3. С. 50.
10. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 21. С. 325.
11. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. М., 1993-1995. / Т. 1. С. 485-517: Завоевание Сибири.
12. Заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии//ГАКК. Ф. 262, Оп. 1, Д. 30, Л. 5 об.
13. См. Северьянов М.Д. Землепользование и землеустройство в сибирской деревне (1861-1930 гг.). Кызыл. Изд-во ТувГУ. 2010.
14. Чернов В.М. Рождение революционной России. Февральская революция. Париж – Прага – Нью-Йорк, 1934.
15. Второв В.К. Многоликая Россия: XX век. / Философско-исторические исследования. М. Воскресенье, 1998. С. 35.
16. Лацис М.И. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним. М. Л., 1929. С. 5, 11, 12.
17. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июль 1941 гг.). Томск. Изд. ТГУ, 1976. С. 11-13.
18. Ларин Ю. Сельскохозяйственный пролетариат СССР. М. Л., 1927. С. 3, 6.
19. Пятилетний план народнохозяйственного строительства. Т. 2, ч. 2. Социальные проблемы. Проблемы распределения. Труд и культура. 3-е изд. М., 1930. С. 8.
20. Животноводство Восточно-Сибирского края. По материалам сельскохозяйственного налогового учета скота на июль 1934. Иркутск, 1934. С. 111.
21. Рационально использовать кормовые ресурсы // Большевик 1940. № 10. С. 15.
22. Вылцан М.А. Трудовые ресурсы колхозов в довоенные годы (1935-1940 гг.). Вопросы истории. 1973. №2. С. 24. По подсчетам профессора Бабылина Б.Н. В 1935 г. не использовалось 9590 тыс., а в 1937 г. - 8023 тыс. человек. См. Платунов Н.И. Указ. Соч. с. 131.
23. С.М. Лейбман. Трудовые ресурсы колхозов. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1935. № 7. С. 72.
24. Передовица // Новая Россия. Париж.1938. № 39. С. 2.